

Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период¹

Г. А. Назаренко, К. С. Локтионов, А. И. Алексеев

Григорий Андреевич Назаренко, студент бакалавриата кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: nga-02@mail.ru

Кирилл Сергеевич Локтионов, аналитик Научного центра изучения проблем сельских территорий, студент магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: leegloktok@yandex.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления постсоветских трансформаций функциональных типов сельских населенных пунктов ХМАО-Югры и ЯНАО, лежащих в пределах Нижнего Приобья. Исследование выполнено на основе полевых материалов, полученных в ходе экспедиции в июле 2023 года, а также статистических данных Росстата, районных и региональных ведомств, государственных архивов. Трансформация функциональных типов сельских населенных пунктов была рассмотрена через призму воздействия на них факторов различной природы, среди которых: генезис сельских населенных пунктов, этнический состав их населения и сохранность традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Крайнего Севера, периферийность и изолированность поселений одновременно с инфраструктурной освоенностью территории, социально-экономические эффекты от реализации ресурсодобывающими компаниями проектов в области нефтедобычи, а также особенности местных институтов и региональной поддержки отраслей хозяйственной специализации. Для выявления основных направлений трансформации авторами была составлена функциональная типология поселений Нижнего Приобья по трем временным срезам: на 1989, 2002, 2021 годы. В результате анализа выделено пять типов постсоветских трансформаций: 1) упрощение функционального типа в результате утраты лесных, аграрных и промыс-

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

Благодарности. Коллектив авторов выражает свою благодарность за помощь в организации и проведении экспедиции директору АНО «Стремление» А. В. Назаренко, а также А. Веприцкому за помощь в проведении полевых исследований.

ловых функций в ряде отраслевых поселков ХМАО-Югры; 2) развитие сельского хозяйства, рекреационной функции, а также сельско-городских маятниковых миграций в населенных пунктах, находящихся вблизи крупных городов; 3) стабилизация социально-экономического положения в результате возникновения нефтедобычи вблизи поселения; 4) полифункционализация крупных сел — районных центров обслуживания населения; 5) консервация промысловых функций в сельских населенных пунктах с высокой долей КМНС и коми-зырян в населении (более типично для ЯНАО).

Ключевые слова: сельская местность, траектории трансформации, периферия, изолированность, функциональная типология, освоение Западной Сибири, генезис, этническая мозаичность, коренные малочисленные народы Севера, нефтедобыча, институциональный фактор, инфраструктурное освоение

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-178-217

*Г. А. Назаренко,
Е. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*

Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Нижнее Приобье — часть территории Западной Сибири, лежащая вдоль течения р. Оби и приустьевых частей ее притоков, и простирающаяся более чем на 900 км в субмеридиональном направлении от устья Иртыша вблизи г. Ханты-Мансийска на юге и до Обской губы на севере. Сельская местность Нижнего Приобья являет собой яркий пример уникальных этнических, культурных и социальных сочетаний в структуре населения, обусловленных многочисленными миграционными волнами в процессе своего освоения. Специфическая черта сельского расселения Обского Севера — географическая изолированность большинства сельских населенных пунктов и связанная с этим сезонность в транспортном сообщении в течение года. Вместе с тем сочетание сложных физико-географических (наличие очаговой и сплошной многолетней мерзлоты, возникновение боковой эрозии рек и последующего разрушения берегов, наступление высокого половодья) и по ряду параметров экстремальных климатических условий создает значительные лимитирующие условия для развития отдельных отраслей сельского хозяйства (прежде всего растениеводства) и обуславливает увеличение издержек на эксплуатацию и поддержание инженерной и транспортной инфраструктуры.

Основной идеей исследования является оценка влияния основных географических факторов дифференциации на исследуемой территории (генетического, этнокультурного, транспортного, ресурсного и институционального) на эволюцию функциональных типов СНП Нижнего Приобья в зависимости от хронологического периода и от их интенсивности в пространстве.

Цель исследования — составление функциональной типологии СНП Нижнего Приобья по нескольким ключевым для региона временным срезам (1989, 2002 и 2021 гг.) и выделения на их основе типов траекторий трансформации в постсоветский период.

Среди первых работ, посвященных изучению хозяйства и различных аспектов жизни коренного обско-угорского и русского старожильского населения Приобья, ведущее место занимает цикл географических и этнографических очерков о трех уездах Тобольского Севера (Березовском, Самаровском и Сургутском), написанных А. А. Дуниным-Горкавичем на рубеже XIX–XX вв. (Дунин-Горкавич, 1897, 1904–1911). Ранее, в 1870–1880-х гг. были опубликованы отчеты об экспедиционных исследованиях рыбного промысла в долине Оби (Поляков, 1877) и полевые заметки о быте остяцкого населения Березовского края (Соммье, 2012).

Колонизацию сибирских пространств в период с XVI до начала XX в. осветил В. В. Покшишевский в своей монографии «Заселение Сибири», представлявшей собой некоторые главы его фундаментальной докторской диссертации 1947 г. (Покшишевский, 1951).

Ведущим сибирским центром в изучении как географии населения в целом, так и географии сельской местности в частности является Иркутск, где на рубеже 1950–1960-х гг. сформировалась собственная научная школа, у истоков которой стояли В. В. Покшишевский и В. В. Воробьев. В этот период появляются отдельные работы о процессах формирования и развития сети поселений в долинах рек Илим и Ангара (Воробьев и др., 1962), хозяйственных типах сельского расселения Восточной Сибири (Космачев, 1962) и др. В 1970-е и 1980-е гг., как реакция на бурную послевоенную индустриализацию и разработку минерально-сырьевых ресурсов Сибири, возникают комплексные работы, раскрывшие проблемы освоения таежной зоны (Космачев, 1974), а также формирования населения новых промышленных районов на севере Западной Сибири (Мисевич и др., 1973).

На этом фоне сельская местность Приобья оказалась объектом исследования в заметно меньшем количестве работ. Так, томскими историками рассмотрены процессы формирования и сжатия поселенческой сети Среднего Приобья в границах Томской области (Татарникова, 2022; Усольцева, 2018), а одним из наиболее значимых исследований по сельской местности ХМАО стала статья Д. Н. Лухманова об эволюции сельского расселения региона во второй половине XX в. в рамках функционального подхода (Лухманов, 2005). Ретроспективный подход на сжатие сети сельского расселения наиболее ярко проявился в работах Л. Д. Фукса по югу Западной Сибири (Фукс, 2003).

Важное место занимают исследования, посвященные факторам и направлениям постсоветской трансформации отдельных местностей и сельских районов Сибири. В них представлены сюжеты: 1) функционального сжатия сельской местности в пригородном районе под влиянием «внешних» (урбанизация, изменение аграрной отрасли специализации хозяйства, оптимизации сети учрежде-

ний социальной сферы и т.д.) и «внутренних» факторов (Чучкалов и др., 2021); 2) трансформаций сельской местности, возникающих в результате реализации проектов по добыче полезных ископаемых (Демидова и др., 2022); 3) постсоветской адаптации функций сельских населенных пунктов в рамках генетического подхода (Антонов, Сафронов, 2023). Роль этнического фактора как одного из ведущих в эволюции сельского расселения в XX–XXI вв. рассмотрена В. Филипповой на примере Усть-Майского улуса (района) со смешанным русским, эвенкийским и якутским населением (Филиппова, 2022).

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Материалы и методы исследования

Основой для написания статьи послужили три массива данных и материалов. Первый получен в результате проведения в июле 2023 г. полевых экспедиционных исследований сельской местности в нижнем течении Оби на территории трех районов ХМАО (Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовского) и трех — ЯНАО (Шурышкарского, Приуральского и Ямальского). В рамках экспедиции было посещено 23 сельских населенных пункта, а также 7 городов и поселков городского типа (городов Ханты-Мансийск, Салехард и Лабытнанги, пгт Октябрьское, Приобье, Игрим и Березово), из них — четыре районных и окружных административных центра. Основными собранными полевыми материалами являются глубинные интервью с представителями сельских (14 интервью) и районных администраций (8 индивидуальных и групповых интервью с 21 специалистом в области экономики, агропромышленного комплекса, образования, транспорта и инфраструктуры, а также по делам КМНС и др.), работниками сферы образования и культуры (14 интервью, в том числе два с учителями родного языка и литературы), руководителями и работниками сельскохозяйственных организаций и К(Ф)Х (пять индивидуальных и групповых интервью с более чем 10 респондентами), а также с местными жителями, практикующими традиционные виды хозяйственной деятельности, такие как охота и рыболовство (более 10).

Второй массив представляет собой группу статистических материалов, включающих: 1) данные о численности и этническом² составе населения в разрезе 31 сельского населенного пункта по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг.; 2) данные о поголовье крупного рогатого скота³ и лошадей в разрезе сельских населенных пунктов,

2. В рамках статьи для составления этнической типологии и выявления роли этнокультурного фактора в направлениях трансформации СНП Нижнего Приобья были использованы данные Всероссийской переписи 2010 г.

3. Далее по тексту принято сокращение КРС.

предоставленных департаментом АПК ЯНАО и управлением АПК департамента промышленности ХМАО-Югры по состоянию на 1 января 2023 г.; 3) архивные статистические данные об отраслевой структуре и численности занятых, поголовье КРС и лошадей, структуре и количестве посевных площадей в разрезе совхозов и колхозов ХМАО по состоянию на 1970 г. (данные о поголовье лошадей) и 1990 г. (все остальные), полученные в КУ Государственный архив Югры (в г. Ханты-Мансийске); 4) данные о структуре как формальной, так и неформальной занятости населения в разрезе сельских населенных пунктов из глубинных интервью с главами и представителями сельских администраций. Последний, третий массив состоит из различных картографических материалов, представляющих собой как атласы тематического содержания (Атлас Тюменской области, 1971–1976; Атлас ХМАО-Югры, 2006), так и исторические обзорные карты начала XX в. (Дунин-Горкавич, 1903 и др.) по изучаемой территории. Кроме того, для раскрытия специфики и особенностей отдельных социально-экономических процессов явлений в жизни сельского населения Нижнего Приобья использована этнографическая, историческая и краеведческая литература.

Основными методами исследования выступили сравнительно-описательный, историко-географический, статистический, картографический, функциональной типологизации сельских населенных пунктов (методика составления и результаты типологии представлены в главах 4 и 5), экспедиционный и визуального обследования населенных пунктов, а также методы качественной социологии (структурированные и полуструктурированные глубинные интервью, пешеходное интервью в формате «go-along», включенное и невключенное наблюдение).

Факторы дифференциации сельской местности Нижнего Приобья

Генезис поселений

Весьма многогранным и сложным фактором дифференциации поселений Нижнего Приобья является их *генезис*. Обращаясь к *генетической типологии СНП*, мы можем ярко иллюстрировать пространственные «наслоения» различных волн освоения и колонизации Нижнего Приобья. Так, нами было выделено шесть генетических типов поселений (отображены на рис. 1):

- сезоннообитаемые поселения рыбаков и охотников;
- постоянные поселения рыбаков и охотников;
- русские старожильческие села;
- спецпереселенческие поселки;
- колхозные поселки;
- лесные поселки.

Проникновение угорских племен на север из степей Зауралья на пространства Обь-Иртышья проходило в несколько этапов: во второй половине первого тыс. н.э. вниз по Иртышу спускаются первые угры, которые в течение всего Средневековья осваивают практически все нижнее и значительную часть среднего течения Оби и низовий ее притоков. Впоследствии они станут субстратом для формирования современных ханты. Протомансийское же население, к началу второго тыс. н.э. заселявшее долины рек по обеим сторонам Северного Урала, к XV–XVI вв. проникают в бассейн Северной Сосьвы и спускаются по основному ее руслу до места ее впадения в Малую Обь. Так формируется мансийское присутствие на Оби. Характерной чертой расселения каждой из обско-угорской общностей станет возникновение *сезоннообитаемых поселений рыболовов и охотников*, в некоторых случаях становившихся центрами феодальных образований — острожными городками вогульских и остяцких князей. Русская колонизация Сибири XVII–XVIII вв., в совокупности с переселениями коми из-за Большого Камня, положило начало новым генетическим типам поселений в Нижнем Приобье: этнически разнородным *постоянным промысловым поселениям и русским старожильческим селам*. При этом роль коми-зырян и коми-ижмцев в колонизации долины Оби, особенно в границах Двубоья⁴, равна по важности и своей интенсивности русской. Вместе с тем отражением другой — советской волны освоения в середине XX в. — стали поселения, основанные в результате раскулачивания, депортаций и другого рода принудительных миграций (*спецпереселенческие поселки*), сселения полукочевого мансийского и хантыйского населения (*колхозные поселки*), и возникшее как элемент промышленного освоения таежных пространств (*лесные поселки*).

Обско-угорские *сезоннообитаемые поселения рыболовов и охотников* представляли собой небольшие деревни (людностью не более 5–6 семей, часто — представителей одного общего рода). Историческое название для данного генетического типа поселений — *летние или зимние юрты* (Дунин-Горкавич, 1903, 1904; Поляков, 1877; Федорова, 2000). Подобные поселения еще в первой трети XX в. были широко распространены в среднем и нижнем течении обских притоков, тогда как на Оби в ее среднем течении встречались редко, хоть и имели место в Двубоье. Сама же необходимость кочевания с зимних на летние юрты обуславливалась неспособностью тех или иных рыбных и охотничьих угодий обеспечить пропитанием несколько семей в течение всего года, а лишь на протяжении 5–7 месяцев. На пути кочевья от зимних юрт к летним могли возникать временные осенние или весенние селения, состоявшие чаще всего из одной или нескольких полуземлянок (Федо-

4. Двубоье — часть речной долины Оби от точки бифуркации ее основного русла у с. Перегребное на протоки Малая и Большая Обь до их слияния.

рова, 2000). Вместе с тем возникали неписанные правила землепользования и разграничения рыболовных и охотничьих угодий между семьями, родами и, соответственно, поселениями. Так, Стефано Соммье, посетивший в 1880 г. Тегинские летние юрты вблизи уездного г. Березова, отметил в своих записках, что участки реки (речные пески, сора, протоки и т. д.) и тайги передавались по наследству внутри семей местных остяков. Пользование родовыми речными и охотничьими угодьями в целях промысла без разрешения владельцев возбранялось (Соммье, 2012). Во второй трети XX в. в процессе как добровольного, так и насильственного оседания полукочевого и кочевого обско-угорского населения постепенно исчезли таежные зимние юрты, в то время как летние становились постоянно обитаемыми деревнями малой людности (до 100–150 чел.), в которых в 1930–1940-е гг. организовывались первые рыболовецкие артели (например, мансийские дер. Чуанель, Новинская, Лапоры, Шайтанка, хантыйские Войтехово, Пугоры в Березовском районе ХМАО). В 1950–1970-е гг. шел процесс постепенной ликвидации таких СНП путем переселения их жителей в более крупные колхозные и промысловые поселки (так, жители деревень Чуанель, Лапоры были сселены в с. Ванзетур Березовского района). Другой траекторией развития СНП данного типа стало формирование на базе этих поселений *колхозных поселков* в 1950-е гг. (например, дер. Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО). К генетическому типу летних юрт (сезоннообитаемых поселений рыболовов) относятся Азовы (Шурышкарский район ЯНАО), Аксарка и Горно князевск (Приуральский район ЯНАО).

Этнически разнородные *постоянные поселения рыболовов и охотников*, с наличием подсобного животноводства и земледелия в сочетании с промысловыми избушками в тайге (Федорова, 2000) сформировались на месте остяцких княжских городков XVI–XVII вв. Такие поселения стали форпостами русского освоения и заселения Нижнего Приобья: начиная с XVIII в. в поселениях строились первые церкви для новокрещенных инородцев, возникало скотоводство и очаговое земледелие, развивались торговля и ямской извоз. Для таких СНП уже в XIX в. было характерно этнически смешанное русское и обско-угорское (на Малой Оби ниже Березова также коми-зырянское) население. Оседлые ханты и манси в таких селах чаще вступали в смешанные браки и к началу XX в. в значительной степени ассимилировались, прежде всего с позиций своего быта и ведения хозяйства, а также повседневного использования в общении обско-угорских языков. Несмотря на это, речное рыболовство оставалось основным занятием для хантыйского оседлого населения с тем лишь отличием, что для промысла в летний период рыболовами использовались сезонные избушки (без кочевания всей семьи). Во второй трети XX в. СНП подобного генетического типа испытали значительный приток населения в результате принудительных миграций (до реабилитации большинства категорий

депортированных в 1953–1957 гг. в ряде сел спецконтингент мог составлять до половины населения). С конца 1950-х гг. эти СНП с функциональной точки зрения развивались в нескольких направлениях: во-первых, как крупные аграрные (Шеркалы Октябрьского района ХМАО, центральное отделение коневодческого совхоза Перегребинский) или лесопромышленно-аграрные (Карымкары Октябрьского района ХМАО, организованы леспромхоз «Обской» и животноводческий совхоз) поселки, во-вторых, как рыбопромысловые и охотничьи поселения (Большой Атлым Октябрьского района ХМАО и Шурышкары Шурышкарского района ЯНАО), а в-третьих, как крупные полифункциональные центры обслуживания территории благодаря получению административных, социальных и других функций (Мужи как центр Шурышкарского района).

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

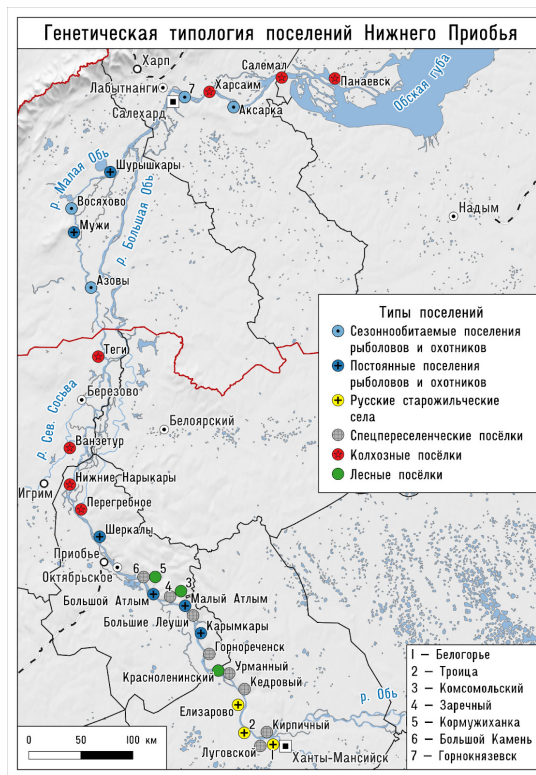

Рис. 1. Генетическая типология поселений Нижнего Приобья

Источник: Составлено авторами по данным (Дунин-Горкавич, 1903, 1904; Зайцева и др., 2012)

Русские старожильческие села возникали на «луговой стороне» Оби — на островах и гривах обширной поймы, в отличие от этнически смешанных поселений «горного» правого берега (лишь в еди-

ничных случаях, таких как д. Белогорье, русские поселения, подобно предыдущему типу, возникали на месте остяцких острогов). Такая дифференциация обусловлена тем, что русские переселенцы стремились осесть на более благоприятных с точки зрения ведения сельского хозяйства территориях: заливные пойменные луга становились основой кормовой базы очагового мясного и мясо-молочного скотоводства, а также коневодства. Уже к середине XIX в. «луговые» села имели полностью русский этнический характер: кержаки⁵ ассимилировали те немногочисленные семьи остяков, еще проживавших в этих поселениях (Дунин-Горкавич, 1904). На протяжении всего XX в. СНП данного генетического типа усиливали свою сельскохозяйственную функцию благодаря организации в 1930–1940-е гг. колхозов, в первой половине 1960-х гг. преобразованных или укрупненных в совхозы с животноводческой специализацией (так, совхоз «Елизаровский» создан на базе трех отделений колхоза «Маяк», а колхозы «Равнина» и «Заря Новой жизни» объединены в совхоз «Ханты-Мансийский»). Картофелеводство и овощеводство были развиты очагово и в небольших масштабах (до 100–200 га и 5–10 га посевных площадей на совхоз соответственно), зерновое растениеводство имело преимущественно кормовой характер. К данному генетическому типу мы можем отнести среди современных СНП Белогорье, Елизарово и Троицу (Ханты-Мансийский район ХМАО).

Спецпереселенческие поселки вдоль правого берега Оби на возвышенности Белогорского материка были основаны в 1930–1950-х гг. в результате насильственных перемещений населения из Европейской части СССР и юга Западной Сибири, что обусловило их пестрый этнический и социальный облик. В составе спецпереселенцев в первой половине 1930-х гг. преобладали раскулаченные крестьяне с территории современных Тюменской, Челябинской и Курганской областей, в 1940-е гг. — калмыки, молдаване, немцы Поволжья и Закарпатья, финны, уроженцы Прибалтики и Западной Украины. С хозяйственной точки зрения отраслями специализации таких поселков при их основании стали рыболовство и заготовка леса. По прибытии спецпереселенцев на место ссылки организовывались рыбо- и лесозаготовительный участки, в некоторых случаях первичная деревообработка (так, в пос. Луговской Ханты-Мансийского района в 1938 г. был запущен деревообрабатывающий завод). В 1970-е гг. на базе этих поселков возникали леспромхозы. К поселениям данного генетического типа относятся СНП Большие Леуши, Большой Камень, Горнореченск, Заречный (Октябрьский район ХМАО) и Кедровый, Кирпичный, Луговской и Урманный (Ханты-Мансийский район ХМАО).

5. Кержаки — локальный этноним русского старожильческого населения, распространенный кроме Приобья и в других частях Сибири.

Колхозные поселки также возникли в 1930–1950-е гг. Обычно формировались вокруг животноводческого колхоза на месте старых летних юрт (Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО), почтовых ямских станов (Перегибное Октябрьского района ХМАО) или же на совершенно новом, неосвоенном участке вокруг рыболовецкого колхоза посреди тайги (Теги и Ванзетур Березовского района ХМАО), лесотундры (Харсаим Приуральского района ЯНАО) или тундры (Панаевск Ямальского района ЯНАО). Основу населения создаваемого поселка составляли преимущественно переселенные из летних юрт ханты (Теги Березовского района ХМАО) и манси (Ванзетур Березовского района ХМАО и Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО), а также сброшенные на обской берег в 1931–1933 гг. раскулаченные крестьяне с юга Западной Сибири и депортированные в 1941–1948 гг. немцы, прибалты и калмыки (Ванзетур Березовского района ХМАО, Нижние Нарыкары и Перегибное Октябрьского района ХМАО). Принципиальное отличие колхозных поселков от спецпереселенческих состояло, во-первых, в значительной или преобладающей доле коренных народов Севера в их населении, а также в том, что большая часть трудоспособного населения в 1950–1980-е гг. была занята либо в сельском хозяйстве, либо на рыбном и охотничьем промысле, а не в лесной промышленности.

Лесные поселки были построены в конце 1950-х гг. для освоения лесных ресурсов Белогорского материка. Они возникали вблизи основанных на 25–30 лет ранее спецпереселенческих поселков, промысловых и аграрных по характеру своей хозяйственной специализации, либо на 2–4 км выше по течению обского притока (пос. Комсомольский на р. Малый Атлым, пос. Кормужиханка на одноименном притоке у пос. Большой Камень), либо на окраине ссыльного поселения (Красноленинский вблизи Урманного). Первые два стали лесозаготовительными пунктами леспромхоза «Обской», охватывавшего юго-восточную часть Октябрьского района, тогда как Красноленинский — Ханты-Мансийского. Несмотря на иную историю формирования населения, лесные поселки (преимущественно бывшие лесоучастки) столкнулись с теми же социальными и экономическими проблемами, что и поселки ссыльных, в связи с развалом системы леспромхозов в 1990-е гг. К СНП данного генетического типа относятся Комсомольский, Кормужиханка (Октябрьский район ХМАО) и Красноленинский (Ханты-Мансийский район ХМАО).

Вместе с тем для ряда населенных пунктов обозначение единственного генетического типа не всегда корректно. Возникает сложность в поиске условной хронологической точки отсчета, собственно существования населенного пункта. Так, пос. Салемал Ямальского района ЯНАО, сформировавшийся вокруг артели рыболовецкого колхоза в 1932–1934 гг., возник на месте рыбных пе-

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

сков⁶, где в конце XIX — начале XX в. уже велся сезонный вылов рыбы и находились временные станы бригад рыбаков, спускавшихся сюда на летний промысел со среднего течения Оби или с Тобольского Прииртышья (Поляков, 1877).

Необходимо брать во внимание то, что история существования одного СНП может включать несколько разных по своему хозяйственному и расселенческому характеру поселений с одним и тем же топонимом, но имевших отличное географическое (топографическое) положение. Так, под топонимом и его производными хантыйского села Теги (Березовский район ХМАО) существовали как минимум три различных поселения:

— *Древние Теги* (хант. Катра Тэк), сезоннообитаемое летнее поселение тегинских ханты, возникшее на левом берегу Малой Оби в 7–10 км ниже по течению от места современного расположения села. Со слов местных старожилов, их предки пришли в XVIII в. с севера, с территории современного Шурышкарского района, спасаясь от набегов и притеснений со стороны самоедов. Само поселение на карте Тобольской губернии 1903 г. под редакцией А. А. Дунина-Горкавича и на карте Березовского уезда 1919 г. обозначены как Тегинские (Устремские) юрты, тогда как на карте Тобольской губернии из Атласа Азиатской России как Тег-горт, что можно перевести с коми языка как *селение* или *поселение Теги*.

— *Средние Теги*, которые строят на правом берегу Малой Оби и протоки Староустремской на совершенно новом и необжитом до того месте: в колхозный поселок рыболовецкой артели «Путь Ленина» в 1932–1934 гг. селяют жителей Древних Тег и 16 других сезонных летних поселений. К 1939 г. в нем оседло проживало 52 хантыйских хозяйства (200 чел.), при этом сохранили кочевой образ жизни только три семьи, кочевавшие с оленями⁷. Вместе с тем поселение просуществовало недолго и уже в 1951–1953 гг. по распоряжению Березовского райкома осуществлен перенос поселка на современное его месторасположение — на левом берегу Малой Оби между проток Васьлорпосл и Сортынгпосл.

— *Новые Теги* (суть — современные Теги) строятся по плану, согласно которому должны иметь регулярную планировку из пяти улиц, идущих параллельно Малой Оби. В марте 1953 г. Новые Теги становятся центральной усадьбой объединенного колхоза имени XIX партсъезда.

Данный пример ярко иллюстрирует, насколько сложной и многослойной является история формирования современных обских селений.

6. Рыбные пески — песчаные отмели вблизи участков рыбного промысла на реках, где в летний период промысловиками ставились временные станы.

7. Источник — информационные материалы школьного музея Тегинской СОШ об истории Тегинского колхоза.

Рассмотрение генезиса поселений важно с точки зрения понимания «стартовых» условий СНП, наделяющих его теми или иными потенциальными адаптационными преимуществами или, наоборот, недостатками. К таковым, во-первых, можно отнести *топографическое положение поселения* относительно рельефа, выбор которого в момент основания мог зависеть или от хозяйственного уклада, образа жизни и этнического происхождения поселенцев (в начале XX в. и ранее), или — от закладываемой отраслевой специализации (в ходе советской волны освоения 1930–1950-х гг.). Во-вторых, таковыми можно назвать механизмы адаптации пришлого населения, выраженные как в желании, так и в способности перенимать навыки выживания и знания о территории у коренного населения. Например, залогом успешной адаптации раскулаченных крестьян Зауралья и представителей депортированных народов из европейской части СССР в условиях неприменимости собственных моделей хозяйствования было *быстрое заимствование (в течение первых нескольких зим ссылки) практик традиционного рыбного и охотничьего промысла коренных народов Севера*. Этот аспект заметно отличал некоренное население спецпереселенческих и колхозных поселков от пришлого населения лесных, сформировавшегося преимущественно в период 1960–1980-х гг. путем добровольной трудовой миграции по экономическим причинам, лучше обеспеченное на тот период социальной, инженерной и другой инфраструктурой, и, таким образом, совершенно немотивированное перенимать хозяйственные практики КМНС. Тем самым население спецпереселенческих и колхозных поселков в период системного кризиса 1990-х гг. смогло быстрее и эффективнее перейти из формальной сельскохозяйственной занятости в неформальную промысловую, в отличие от населения лесных, которое за неимением альтернативных форм занятости быстрыми темпами выезжало на Большую землю.

Этнокультурный фактор

Другим фактором дифференциации СНП Нижнего Приобья, тесно переплетающимся с генезисом поселений, является *этнический облик их населения*, включающий в себя также такую категорию, как *степень сохранности традиционного образа жизни* (оседлого, полукочевого или же кочевого) в среде КМНС и коми-зырян.

На пространстве речной долины Оби от устья Иртыша до южной оконечности Ямальского полуострова при продвижении вниз по течению выражено зональное чередование различных этнических типов поселений (рис. 2, табл. 3 в Приложении) с заметным усилением этнической мозаичности населения с юга на север с локальными отклонениями.

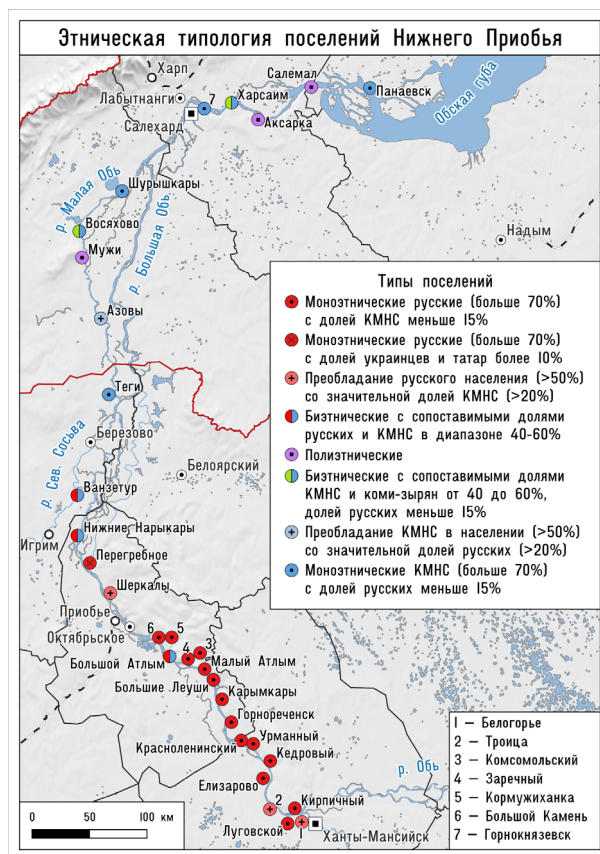

Рис. 2. Этническая типология поселений Нижнего Приобья

Источник: Составлено авторами по данным ВПН-2010 г.

Так, в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районах ХМАО тянется череда моноэтнических русских поселений (рис. 2), в которой выделяются две группы СНП. Первая состоит из спецпереселенческих поселков, приобретших свой русский моноэтнический характер как вследствие возвратных миграций ссыльных на территории выдворения в 1950–1960-е гг. после реабилитации, так и в результате широкого распространения смешанных браков и практически полной ассимиляции русскими украинцев, немцев, поляков и других через 2–3 поколения после депортации к рубежу XX–XXI вв. Вторая же группа поселений представляет собой русские старожильческие (киржачные) села, сохраняющие свой исключительный для Нижнего Приобья русский моноэтнический характер населения с момента своего основания в XVII–XVIII вв. Вместе с тем в некоторых таких СНП переписями 2002 и 2010 гг. фиксируется повышенная доля КМНС на уров-

не 10–20%, обусловленная двумя процессами, характерными для XX в.: во-первых, сселением полукочевого обско-угорского населения с обских притоков в русские села преимущественно в течение 1930-х гг., а во-вторых, формальным приобретением частью русского населения статуса представителя КМНС, обусловленного предоставлением широкого спектра льгот для последних в начале 1990-х гг. Наиболее ярким примером этого явления можно назвать д. Белогорье и с. Троица Ханты-Мансийского района. Так, в Белогорье еще в 1926 г. из 425 жителей 99,8% были отмечены в переписи как русские, а в Троице — все 100% из 224 человек (Зайцева и др., 2012), тогда как по результатам ВПН-2010 г. в Белогорье их доля составила уже лишь 62,9%, а ханты — 25,8%, в Троице — 68,3% и 19,5% соответственно.

Уже в Октябрьском районе начинают возникать села и деревни со смешанным, фактически биэтническим по своему характеру населением: Большой Атлым (48,5% ханты и 43,6% русских), Нижние Нарыкары (43,4% русских, 35,2% манси, 9,1% ханты). Ниже по течению в Березовском районе они сменяются СНП, где обские угры составляют уже большинство населения: Ванзетур (50,9% манси и 33,6% русских), Теги (78,9% ханты и 9,6% русских). В Шурышкарском и Приуральском же районах русские остаются заметными лишь в структуре населения районных центров (в Мужах — 35,6%, в Аксарке — 42,6%) и приграничного по отношению к ХМАО с. Азовы (доля русских — 22,3%, ханты — 59,9%). Приобские селения Ямала примечательны своей возрастающей этнической мозаичностью и практически повсеместным смешанным расселением ханты и коми (доля последних весьма значительна в Харсаиме — 27%, Мужах — 29,2% и в соседнем Восяхово — 45%).

Необходимо подчеркнуть, что в этнической картине Нижнего Приобья сложившийся пространственный градиент, выраженный в увеличении этнической мозаичности и снижении доли русских в населении с юга на север, обусловлен историческими особенностями хозяйственного освоения Западной Сибири. Так, в XVII–XVIII вв. немногочисленная русская волна колонизации, шедшая с юга, пространственно была лимитирована агроклиматическими условиями, а именно возможностью ведения зернового растениеводства (культивирования овса и ржи), которое было рационально на территории современного ХМАО в тот период только в среднем течении р. Конды и нижнем — Иртыша (вкупе с льноводством), тогда как на Оби имело локальный характер южнее линии Сибирских увалов. Русское расселение в Двубоье и вплоть до Обской губы было представлено малолюдными ямскими станами на зимнем тракте Тобольск — Березов — Обдорск. Северное же Приобье стало территорией освоения коми, пришедших в долину Оби из-за Урала двумя волнами в XVI–XVII вв. (преимущественно торговый и промысловый люд) и в середине XIX — начале XX в. (ижемцы-оленоводы) (Повод, 2006). Следствием этих процессов стало значительное разрежение ткани расселения ханты и манси в долине Оби.

Последующие волны советского освоения Тюменского Севера усилили различия между северной и южной частями Нижнего Приобья, т.к. территории Шурышкарского и Приуральского районов ЯНАО не были затронуты лесопромышленным освоением 1930–1950-х гг., а в 1970–1980-х гг. — нефтегазовым, что в обоих случаях обусловлено более низким ресурсным потенциалом в сравнении с территориями Ханты-Мансийского и Октябрьского районов ХМАО.

К началу XXI в. традиционный образ жизни сохранился в разной степени в среде обских угров и коми-зырян практически на всем протяжении Нижнего Приобья, однако его роль в укладе населения усиливается также при продвижении с юга на север и от Оби к верховьям притоков. Среди основных традиционных видов деятельности можно выделить рыболовство, охоту, сбор кедрового ореха и дикоросов (различных видов ягод и грибов), а также оленеводство. Самостоятельным сюжетом выступает сохранение традиции пошива и ношения национальной одежды и обуви, а также изготовления украшений и предметов домашнего обихода. Заимствование части традиционных видов деятельности, прежде всего рыболовства и сбора дикоросов русскими и другими этносами можно считать важнейшим механизмом адаптации и залогом успешного приживания в новых и непривычных для них природно-климатических условиях.

Отличительной чертой приобских поселений Ямало-Ненецкого автономного округа является наличие населения, сохраняющего кочевой или полукочевой традиционный образ жизни. Прослеживается весьма четкая закономерность: перемещаясь вниз по течению Оби от границы ХМАО по территории ЯНАО, мы будем наблюдать постепенное увеличение доли кочевого населения в общей его численности: так, в Шурышкарском районе эта доля колеблется от 5 до 15% в приобских поселениях, в Приуральском районе достигает 29,1% от общей численности населения всего района (41,6% от численности КМНС), тогда как в Ямальском — 35,6% и 47,1% соответственно.

Вместе с тем сезонное промысловое расселение характерно для территории Шурышкарского и Приуральского районов. До 200–300 чел. рыболовов (преимущественно ханты) ежегодно на летний период перемещаются в сезоннообитаемые деревни на песках пойменных проток Двубоья и обских притоков (Войкар, Питляр, Хашгортъеган и др.) из приобских сел и поселков, в которые возвращаются на период зимы.

Усредненный портрет кочевника Приуральского района сегодня — ненец-оленьевод, кочующий в составе моноэтнической бригады, включающей 2–4 семьи, часто — представителей одного рода. Они совместными усилиями перегоняют многотысячные олени стада (до 3–4 тыс. голов) сложившимися уже к XX в. маршрутами: летом на левый берег Оби к Байдарацкой губе и дальше на север в тундры Ямальского полуострова, зимой же — на юг, на правый берег Оби, к границе Ханты-Мансийского округа. При этом еще в конце 1980-х гг. многие оленеводческие бригады были полиэтни-

ческими: «*Раньше-то [в 1980-е гг.] чумы стояли разных народов вместе: и зыряне, и ханты, и ненцы [вместе] были в одной бригаде. Сейчас уже не так...*» (мужчина, 55 лет, наполовину ненец, наполовину ханты, с. Аксарка, Приуральский район).

Сохранение традиционных моделей хозяйствования оказывало сдерживающий эффект на динамику численности населения промысловых поселений с точки зрения их депопуляции в конце 1990-х и начале 2000-х гг. В условиях деградации сельского хозяйства рыболовство и сбор дикоросов становились важными источниками неформальной занятости для трудового населения, высвободившегося из аграрного и лесопромышленного секторов.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Периферийность и изолированность

Качественно уровень периферийности в исследуемых поселениях разделяется на два типа — населенные пункты, соединенные с внешней автодорожной сетью (не изолированные) и нет (изолированные). Имеющие автодорогу населенные пункты с твердым покрытием и выходом за пределы региона — Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский, Малый Атлым в Октябрьском районе ХМАО, Горноknязевск, Харсаим и Аксарка в Приуральском районе ЯНАО. Нижние Нарыкары Октябрьского района, соединенные автодорогой с твердым покрытием с поселком Игрим, не относятся к этой категории — связи с внешним миром у этих населенных пунктов по земле нет. Включенность во внешнюю автодорожную сеть влияет на постоянность связи — в межсезонье и период становления автозимника связь с населенными пунктами без автомобильной дороги возможна только по воздуху, в некоторые периоды при помощи вездеходов и воздушной подушки. В поселениях, куда ведет дорога, влияние межсезонья и удаления от логистических центров на стоимость жизни наименьшее. В нефтедобывающих поселениях (Карымкары и Малый Атлым) различается роль Сургута (до него есть автодорога, но это большее расстояние) и Ханты-Мансийска (он ближе и зимой до него ведет автозимник) в зависимости от времени года (в то время как в соседних поселениях Октябрьского и Ханты-Мансийского районов важнейшим центром услуг остается Ханты-Мансийск).

Количественный уровень периферийности в населенных пунктах Нижнего Приобья измеряется расстоянием от важнейших товарных логистических центров (Ханты-Мансийск, Приобье — Нягань, Салехард — Лабытнанги) по Оби (автозимнику в зимний период). Этот аспект влияет на стоимость жизни, роль межсезонья (стоимость жизни и миграционную активность в его период), функционирование бизнеса. Минимальное влияние данный аспект имеет на населенные пункты, имеющие связь с внешней автодорожной сетью.

Важнейшее значение периферийность оказывает на развитие сельского хозяйства — крупнейшие сельскохозяйственные

предприятия Нижнего Приобья и почти все поголовье КРС расположены на расстоянии меньшем чем 60 км от крупных потребителей и логистических центров (рис. 3–4, 6), в отличие от советского периода, когда крупнейшие скотоводческие хозяйства находились на наибольшем удалении относительно крупнейших центров — в Тегах и Ванзетуре (обслуживали Игрим и Березово), Карымкары. Крупнейшие молочные фермы с 2010-х гг. расположены, наоборот, — в близких к Ханты-Мансийску Троице в Ханты-Мансийском районе и Аксарке к Салехарду в Приуральском районе ЯНАО. Исключением является относительно крупная молочная ферма на 100 коров в Мужах — крупном населенном пункте и центре, наоборот, слишком периферийного Шурышкарского района. Меньше зависимость от периферийности у дифференциации поголовья лошадей (исторической животноводческой специализации региона) — но и их распределение приходится в основном на мало- и среднепериферийные поселения. Данный фактор влияет прежде всего на дифференциацию крупных хозяйств — в хозяйствах населения во всем Нижнем Приобье КРС почти не осталось, частично еще присутствуют лошади, а на дифференциацию оленьих стад данный фактор не влияет вовсе.

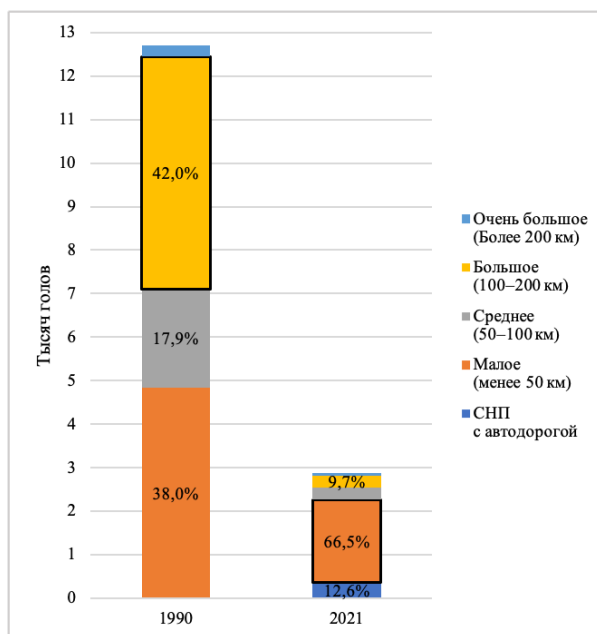

Рис. 3. Распределение поголовья КРС (хозяйств и населения) в населенных пунктах Нижнего Приобья в зависимости от расстояния от логистических центров по реке

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология транс-
формаций сельских
населенных пунк-
тов Нижнего При-
обья в постсовет-
ский период

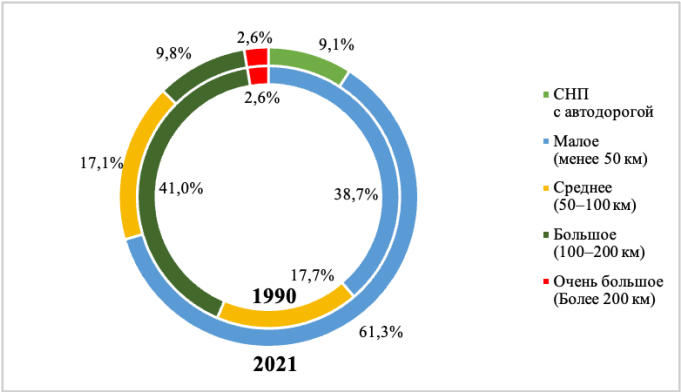

Рис. 4. Распределение поголовья КРС и лошадей в условных головах в населенных пунктах Нижнего Приобья в зависимости от расстояния от логистических центров по реке

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Таблица 1. Поголовье КРС и лошадей в зависимости от периферийности

Удален-сть от цен-тров, км	Пог-вье КРС, голов	Пог-вье лоша-дей, голов	Числ-ть насе-ления, 2021, чел.	Доля КРС, %	Доля ло-шадей, %	Голов КРС на 1000 нас-ния	Лоша-дей на 1000 нас-ния
Очень боль-шая (бо-лее 200)	50	50	648	1,8	4,7%	80,2	77,2
Боль-шая (100–200)	300	100	9367	10,5	9,4%	29,8	10,7
Средняя (50–100)	250	350	5003	8,8	32,9%	53,4	70,0
Малая (менее 50)	1900	550	3911	66,7	51,6%	487,3	140,6
На до-роге	350	15	7662	12,3	1,4%	47,2	2,0
В целом	2850	1065	26591	100	100%	107,8	40,1

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры, ВПН-2021 г.

Радикально стоимость жизни (в первую очередь отражается в ценах на товары и топливо) возрастает в наиболее периферийных поселениях, расположенных на расстоянии более чем 150 км от логистических центров и не имеющих автодорожной связи, — цены на базовые товары здесь могут быть в 1,5–2 раза выше, чем на Большой земле. В менее периферийных поселениях стоимость жизни (товаров и топлива) почти не различается от степени удаленности — цены в них обычно выше на 20–30% от уровня «материка» и не различаются между собой. Также наиболее периферийные населенные пункты не подключены к внешним сетям (например, электроэнергетическим) — это влияет на стоимость тарифов (иногда кратно) и затрудняет хозяйственное развитие (периферийный Шурышкарский район). Значимым препятствием отсутствие внешней автодорожной сети является для крупных торговых сетей — так, например, магазины «Магнит» в Перегребном, Игриме и Березове в ноябре и декабре пустуют из-за того, что судоходство уже завершилось, а крупная грузовики с высокой грузоподъемностью (которые федеральная компания использует) еще не могут начать ходить по автозимнику. Местные же предприниматели и логисты имеют большой опыт в сфере грузоперевозок и благодаря запасам, использованию разных типов транспортных средств (воздушных подушек, внедорожников) в межсезонье в слабопериферийных поселениях даже не повышаются цены относительно периодов со стабильным транспортным сообщением.

Влияние периферийности на мобильность населения разделяется на три категории:

— *Малое* — расстояние по реке или автомобильной дороге до логистического центра менее 60 км. Возможны ежедневные маятниковые миграции по автозимнику и на водном транспорте (до 40 км — так, например, до Луговского и более близких населенных пунктов ходит три пары судов в день, высока частота хождения судов в зависимости от расписания в Шеркалы и Перегребное). К этой же категории относятся населенные пункты с автодорогой до Салехарда в Приуральском районе (Горнокайзевск, Харсаим и Аксарка). На этом расстоянии *образуется зона высокого влияния крупных логистических центров* — отсюда осуществляется массовая маятниковая миграция, развивается рекреация и дачное строительство, сконцентрировалось поголовье скота в постсоветский период.

— *Среднее* — расстояние по реке до логистического центра от 60 до 150 км. Возможны регулярные поездки (раз в неделю — раз в месяц) в крупные логистические центры без пересадок за различными услугами, иногда — одним днем туда-обратно. К этой же категории относятся удаленные населенные пункты с автомобильной дорогой до Лянтора и Сургута (расстояние — 350–400 км) в Октябрьском районе (Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский

и Малый Атлым), частично в них после 1990–2000-х гг. восстановились лесные и аграрные функции с подводом стабильных наземных путей сообщений в 2010-х гг.

— *Высокая* — расстояние по реке до логистического центра более 150 км. Нерегулярное судоходство, высокие цены на билеты до логистических центров, иногда необходимо добираться до них с пересадкой, поездка одним днем невозможна (поездки раз в месяц и реже).

Влияние межсезонья на пассажирские перевозки менее значимо для пассажирских перевозок средней и высокой категорий удаленности — регионы субсидируют перелеты вертолетов (цена билета — 1000–2000 рублей) в логистические центры и между селами с регулярным расписанием, поэтому *полной изоляции населенных пунктов, не соединенных с внешней автодорожной сетью, не происходит*. Таким образом, *наибольшие затруднения изоляция вызывает у жителей, ежедневно едущих в крупнейшие логистические центры (в т.ч. с целью работы) в зонах малой периферийности*)), в период межсезонья. *Малое влияние периферийности имеет и на динамику населения* (рис. 5) — этнический состав и динамика хозяйственного развития имеет большее влияние на демографическую ситуацию.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

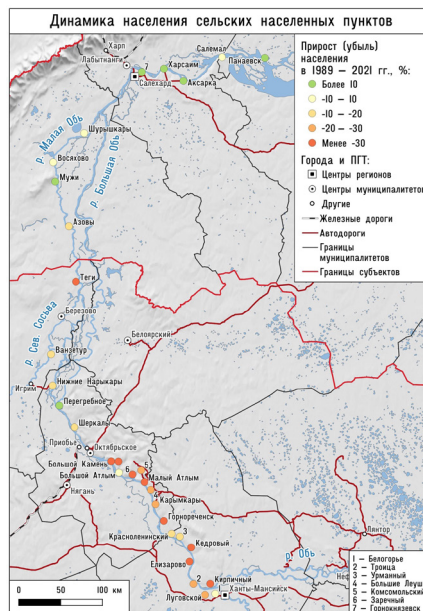

Рис. 5. Динамика населения в СНП Нижнего Приобья
Источник: ВПН 1989 и 2021 гг.

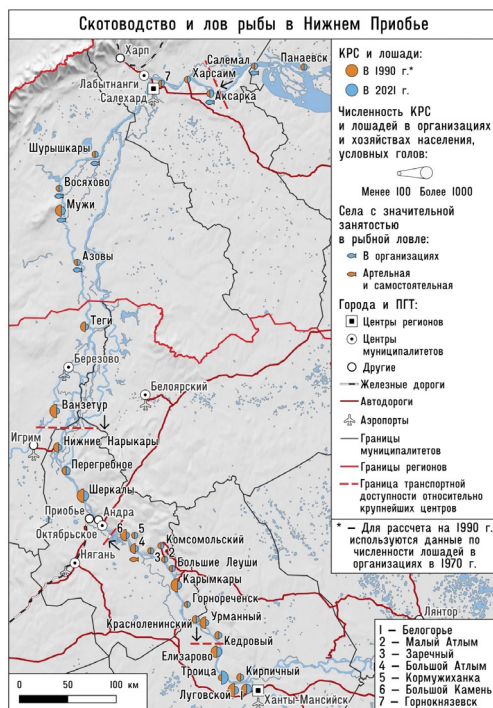

Рис. 6. Динамика поголовья скота в Нижнем Приобье и лов рыбы в 1989–2021 гг.

Источник: департаменты АПК ЯНАО и промышленности ХМАО, КУ ГА Югры

Развитие нефтедобычи и институциональные факторы

В Нижнем Приобье эксплуатируется одно нефтяное месторождение — Приобское, других значимых источников углеводородов ниже по течению на маршруте исследования не эксплуатируется. Его разработка компанией «Сургутнефтегаз» в районе стартовала в начале 2000-х гг. В непосредственной близости от него (15 км и меньше) оказались сельские поселения Карымкары (ранее, в начале 2000-х гг.) и Малый Атлым (позднее, в конце 2000-х гг.). Помимо них значимую занятость (более 100 чел. вахтовым методом) месторождение обеспечивает для расположенного выше по течению Красноленинского поселения (поселки Красноленинский и Урманый Ханты-Мансийского района). Наиболее активным периодом ввода в эксплуатацию новых участков месторождения были 2010-е гг., но разработка новых скважин все еще продолжается.

В первую очередь нефтедобыча привела к изменениям транспортного положения вышеперечисленных поселений, к ним была

построена автомобильная дорога с твердым покрытием от Лянтора (асфальт на всем протяжении дороги, кроме подъездных к Малому Атлыму, Большим Леушам и Карымкарам протяженностью 5–10 км, полностью асфальтирован участок до Комсомольского). Это привело к появлению важного центра услуг для местных жителей в летний период — приоритетным городом в обслуживании населения за пределами поселений стал Сургут, в зимний период (с установлением автозимника) его роль сопоставима с Ханты-Мансийском. Постоянными стали поставки товаров, снизились цены, понизилась роль межсезонья в жизни поселений.

Развитие нефтедобычи привело к повышению уровня экономической активности в этих селах. Работа в «Сургутнефтегазе» стала одним из основных источников занятости для поселений Карымкары и Малый Атлым, к которым была проведена автомобильная дорога (в изолированных Заречном и Большом Атлыме работа в нефтедобывающей компании не столь распространена). Вместе с этим выросло благосостояние местных жителей. После закрытия в 1990-х гг. лесхозов (советская специализация этих поселений), в конце 2000-х гг. заработали пилорамы — появился спрос со стороны местного населения и излишки леса со стороны нефтяников, возможность вывоза материалов по дороге. В сочетании с улучшением логистики в Карымкарах (первом селе, куда была проведена автомобильная дорога и ближайшем населенном пункте к кустам добычи нефти) развивается розничная торговля для вахтовых работников нефтедобычи, проживающих в общежитиях на промыслах. Частично повышение экономической активности сказывается на восстановлении поголовья скота — после полной деаграризации в 1990–2000-х гг. в Карымкарах появилось относительно крупное скотоводческое предприятие с более 100 голов КРС (рис. 6). Однако не происходит значимого повышения бюджета и сельских поселений — компания «Сургутнефтегаз» в основном помогает поселениям с транспортным и хозяйственным обслуживанием. Политика нефтедобывающих компаний по отношению к прилегающим к промыслам селам различается — например, «Роснефть» выделяет в бюджет сельского поселения Селиярово 25 млн рублей ежегодно (при остальной части бюджета в 55 млн рублей), но не проявляет активного участия в других сферах функционирования поселения.

Развитие нефтедобычи и занятость в этой сфере привели к улучшению демографической ситуации в этих поселениях (также частично в поселке Красноленинском, где высока вахтовая занятость на промысле Приобского месторождения). Убыль населения в вышеперечисленных селах до начала эксплуатации месторождения была одной из самых высоких в Нижнем Приобье в ХМАО — сегодня динамика населения стабилизировалась (табл. 2). В первую очередь сократилась миграция — выпускники

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

школ стали оканчивать профессиональные учебные учреждения со специализацией на нефтяном деле в Сургуте, Нижневартовске или Ханты-Мансийске и возвращаться в свои села, а не уезжать за пределы региона или в его центр для получения высшего образования. В целом нефтедобыча — один из двух позитивных треков развития сельской местности (помимо связей пригородных сел с логистическими центрами) на исследуемом маршруте, при этом влияние его комплексно (положительно отразилось на нескольких сферах жизни села и особенно — на занятых в сфере нефтедобычи).

Таблица 2. Динамика населения поселений в Нижнем Приобье в ХМАО со специализацией на нефтедобыче и других

Сельское поселение	Прирост населения в:		
	1989–2002 гг. Добычи нет	2002–2010 гг. Старт добычи	2010–2021 гг. Добыча
Карымкары	-24,2%	-15,2%	10,5%
Малый Атлым	-24,9%	-10,3%	11,1%
Красноленинское	-28,7%	16,5%	0,0%
Луговское	-22,8%	1,8%	-17,5%
Октябрьское	-33,3%	-30,0%	-30,8%
Шеркалы	-21,5%	-16,4%	25,1%
Ванзетур	-3,2%	-21,9%	11,2%
Теги	-13,5%	-14,2%	-9,0%

Источник: ВПН 1989, 2002, 2010, 2021 гг.

Институциональная поддержка региональными властями сохранения унаследованных с советского периода отраслей специализации и появления новых гораздо эффективнее в ЯНАО, чем в ХМАО. В течение всего постсоветского периода региональные власти финансово поддерживали Аксарковский и Горкинский рыбзаводы, которые имеют свои рыболовецкие участки в нескольких исследуемых СНП и за пределами — в Азовах, Мужах, Восяхове, Шурышкарах, Аксарке и Салемале, благодаря этой поддержке *удалось сохранить промысловую специализацию в ЯНАО*. В каждом из перечисленных СНП имеется 50 и более рабочих мест на рыболовецких участках субсидируемых регионом рыбзаводов, что составляет значительную часть занятости за пределами бюджетной сферы в некоторых из них.

Противоположной ситуация была в ХМАО — в большинстве исследуемых сел на Оби в советский период осуществлялся промышленный лов рыбы, но не поддерживавшаяся регионом отрасль

деградировала, и с 2010-х гг. значительная занятость в рыбной ловле сохраняется только в Большом Атлыме с высокой долей ханты в структуре населения (КМНС имеют право на упрощенное создание рыболовецких артелей и более свободный лов рыбы в них). Сегодня в регионе функционирует только Ханты-Мансийский рыбзавод, аналогичные предприятия в Октябрьском и Березове были ликвидированы. Большая часть рыболовецких участков на исследуемом участке Оби в ХМАО была закрыта в 1990–2000-х гг., а уже в 2010-х гг. с введением ограничений на частную ловлю рыбы в крупных масштабах была утрачена вовсе — в первую очередь в СНП с преимущественно русским населением. При поддержке властей ЯНАО после проведения туда автомобильной дороги также была создана в 2010-х гг. и субсидируется молочная ферма в Аксарке. Предприятие действует частично в экспериментальном режиме, себестоимость литра молока на нем превышает 200 руб., что обусловлено отсутствием собственной кормовой базы — сено доставляется речным транспортом из Тобольского Прииртышья, зеленая масса получается в том числе методом гидропоники. Регион поддерживает сбыт молока при помощи распространения льготной «единой карты жителя Ямала» (карта с зачисляемыми от региона средствами на покупку некоторых видов товаров и услуг) на продукцию молочной фермы и ее распространение среди предприятий социальной сферы.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Типология

На основе материалов глубинных интервью с представителями районных и сельских администраций, представителями местного бизнеса и аграриями, а также статистических данных Росстата, департаментов промышленности ХМАО, агропромышленного комплекса ЯНАО и архивных данных КУ ГА Югры была составлена авторская функциональная типология для 1989, 2002 и 2021 гг. (прил. 3). За основу была принята типология СНП Атласа Тюменской области (Лухманов, 1976), составленная исходя из структуры формальной занятости. За постсоветский период сельская местность региона значительно трансформировалась и в формировании функциональных типов одни факторы утратили свое значение, а другие, напротив, возникли впервые. В связи с этим авторская типология составлена на основе *структуры занятости (как формальной, так и неформальной), отраслевой структуры действующих организаций, а также при учете факторов наличия плотных связей с крупными городскими центрами и деятельностью традиционных видов промыслов народов Крайнего Севера*. Таким образом, было выделено девять основных функциональных типов СНП Нижнего Приобья, существовавших в 1989–2021 гг. (рис. 7).

1. *Аграрный* — тип характеризуется наличием поголовья КРС и лошадей более 300 голов в организациях. Один из наиболее сократившихся функциональных типов в Нижнем Приобье после распада коллективных и государственных животноводческих хозяйств в периферийных селах в 1990-х гг. На 2021 г. к типу отнесены: Белогорье, Троица и Елизарово Ханты-Мансийского района, Шеркалы Октябрьского района ХМАО.

2. *Лесопромышленный* — к типу отнесены СНП с наличием действующего лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия с численностью занятых более 50 человек. На 2021 г. функциональный тип среди СНП Нижнего Приобья не присутствует после закрытия деревообрабатывающего завода в Луговском и прекращения действия всех крупных лесозаготовительных пунктов в 1990-х гг. В качестве исключения в тип занесен поселок Перегребное с занятостью на компрессорной станции и сохранивший свою специализацию (для исключения создания отдельного типа).

3. *Лесопромышленный-аграрный* — на конец советского периода некоторые СНП в Ханты-Мансийском и Октябрьском сочетали одновременно наличие как лесопромышленной, так и аграрной отрасли с относительно крупным поголовьем (200 и более голов КРС и/или лошадей) — Луговской, Урманной, Карымкары, Перегребное. На 2021 г. функциональный тип среди СНП Нижнего Приобья не присутствует.

4. *Многофункциональный* — районные центры Мужы Шурышкарского района и Аксарка Приуральского района ЯНАО являются крупнейшими СНП Нижнего Приобья и помимо высокой роли в обслуживании прилегающей к ним сельской местности сочетают в себе на протяжении всего постсоветского периода промышленную и аграрную отрасли, а также являются центрами районной миграции.

5. *Нефтедобывающий* — к типу отнесены СНП со значительной занятостью в нефтедобыче (более 50 человек) с прилегающими к ним нефтепромыслами и автомобильной дорогой, что влияет на стабилизацию социально-экономического положения и частичное восстановление советских отраслей специализации в 2010-х гг. Активно добыча ведется с конца 2000-х гг. К типу отнесены Малый Атлым, Комсомольский, Большие Леуши и Карымкары Октябрьского района ХМАО.

6. *Оленеводческий* — СНП, значительная часть зарегистрированного (прописанного) населения в которых ведет полукочевой и кочевой образ жизни (каслает по тундре), еще некоторая часть жителей имеют в крупных общественных оленьих стадах (более 1000 голов) принадлежащих им животных. С советского периода сохраняет отрасль специализации Панаевск Ямальского района, Восяхово Шурышкарского района приобрел специализацию в 1990-х гг. в связи с закреплением кочевого населения в населенном пункте.

7. *Промысловый* — тип с наличием единственной внебюджетной отрасли специализации на организованной ловле рыбы и частично охоте (более 50 занятых). Промысловая функция деградировала в течение всего постсоветского периода: массовый переход СНП к этому типу в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районах ХМАО в 1990–2000-е гг. связан с утратой других функций, а не развитием рыбной ловли. С окончательной деградацией рыбохозяйственного комплекса в 2010-х гг. в ХМАО промысловая функция СНП региона почти исчезла (за исключением Большого Атлыма Октябрьского района ХМАО со значительной долей КМНС в структуре населения и артельными и единоличными организациями ловли), в отличие от ЯНАО, где сохранение рыболовецких участков связано с институциональным фактором в условиях сохранения традиционного образа жизни. По состоянию на 2021 г. к типу помимо Большого Атлыма в ХМАО отнесены Азовы, Шурышкары и Салемал в ЯНАО.

8. *Пригородный* — населенные пункты, утратившие какую-либо отрасль специализации, но в условиях развитого пригородного речного сообщения (три и более пар судов в крупный центр и обратно в день в период навигации) или наличия автомобильной дороги до города характеризуются наличием стабильной трудовой маятниковой миграцией в него. Также некоторые обладают рекреационным и дачным значением для жителей близлежащих городов. Тип возник в 2000-х гг. в связи с деградацией советских отраслей специализаций и развитием транспортных связей с городами. По состоянию на 2021 г. к типу отнесены Кирпичный и Луговской в зоне влияния Ханты-Мансийска, Нижние Нарыкары в зоне влияния Приобья-Нягани и Игрима, а также Горнокнязевск и Харсаим в зоне влияния Салехарда.

9. *Упрощенный* — периферийные населенные пункты, утратившие какие-либо отрасли специализации и с преобладанием бюджетной сферы в структуре занятости, а также невозможностью развития маятниковой миграции в крупные центры и установления с ними какой-либо стабильной связи из-за удаленности. Тип возникает с окончательной деградацией рыбохозяйственного комплекса в ХМАО в 2000–2010-х гг. и является одним из самых массовых на участке Нижнего Приобья в регионе, в ЯНАО не представлен. В ХМАО по состоянию на 2021 г. к нему отнесены Кедровый, Урманский и Красноленинский Ханты-Мансийского района, Заречный, Кормужиханка и Большой Камень Октябрьского района, а также Ванзетур и Теги Березовского района.

Функциональные типы СНП Нижнего Приобья детерминированы различным влиянием факторов дифференциации в регионе в зависимости от периода. Наиболее равномерным было распределение типов среди всех селений региона на конец советско-

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

го периода — как в структуре населенных пунктов в целом, так и пропорционально населению. Географически на конец советского периода выделяются две зоны: сочетания аграрной и лесной специализации в основном русле Оби в Ханты-Мансийском и Октябрьском районе ХМАО и Березовском районе (1) и зона с промысловыми функциями на участке маршрута в ЯНАО (2). В 1990–2000-е гг. происходит трансформация функциональных типов СНП ХМАО — утрачиваются советские отрасли специализации, деградирует рыбохозяйственный комплекс. На данном этапе структура функциональных типов максимально упрощена — основным становится промысловый. В 2010-х гг. новые факторы (нефтедобыча и развитие пригородных связей) и окончательная деградация промысловой специализации в ХМАО приводит к формированию новых функциональных типов и наиболее дифференцированной их структуры. В ЯНАО же с сохранением советских отраслей специализации и сохранением коренного образа жизни изменения функциональных типов за постсоветский период (за исключением пригородной зоны Салехарда) не происходит, повышается роль Мужей Шурышкарского района и Аксарки Приуральяского района как полифункциональных центров.

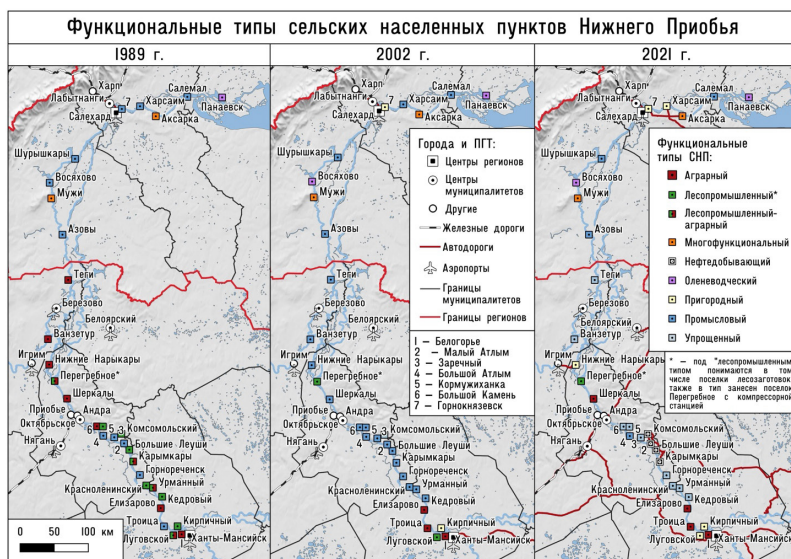

Рис. 7. Динамика изменения функциональных типов СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

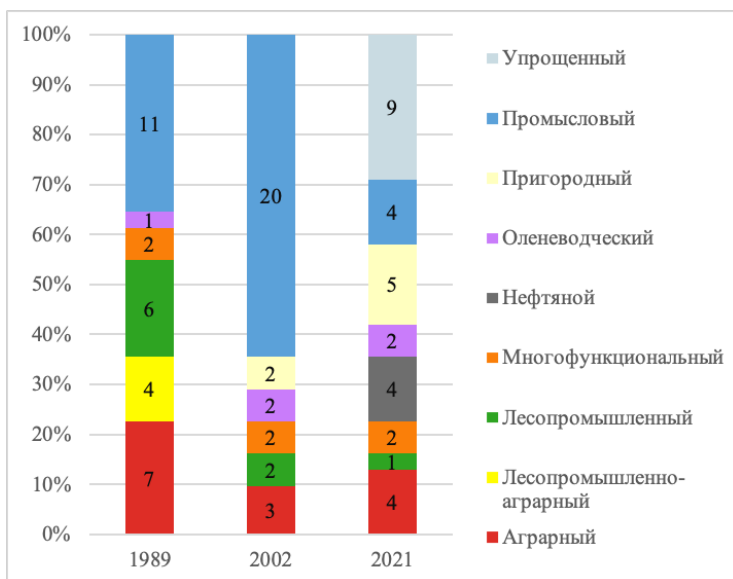

Рис. 8. Динамика структуры функциональных типов СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

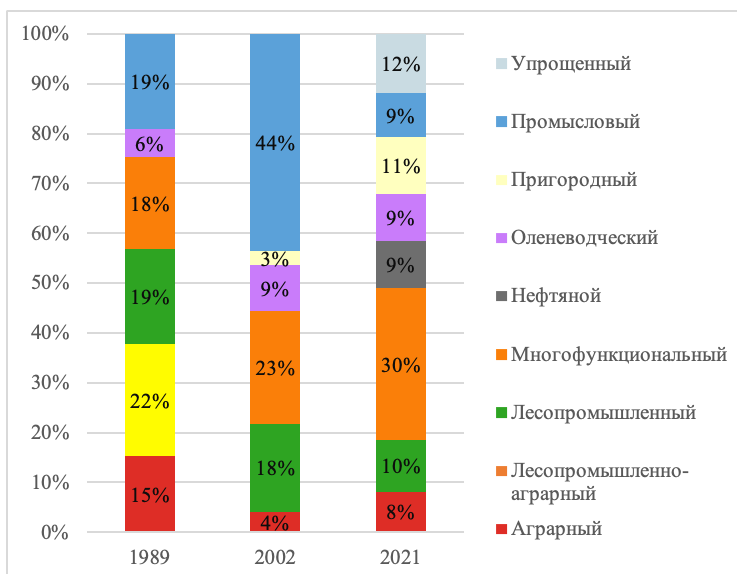

Рис. 9. Динамика структуры населения по отнесению к функциональным типам СНП Нижнего Приобья в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе ВПН-1989, 2002, 2021 гг.

На основе динамики функциональных типов, предложенных в авторской типологии, и изменения социально-экономического положения в постсоветский период были выделены несколько типов трансформаций СНП Нижнего Приобья. Была создана авторская типология, учитывавшая изменение функциональных типов за три периода (1989, 2002 и 2021 гг.), изменение транспортного положения, динамику поголовья скота и лошадей, сохранение традиционных видов хозяйствования народов Крайнего Севера, динамику занятости и сочетание различных отраслей специализации. Всего было выделено пять типов (и дополнительные подтипы для двух из них) трансформаций на основе динамики вышеперечисленных признаков в 1989–2021 гг.

1. «Упрощение» функционального типа

СНП данного типа трансформаций за постсоветский период *утратили какую-либо специализацию и с 2010-х гг. в них абсолютно преобладает бюджетная сфера в структуре занятости*, при этом они находятся на значительной периферии и поэтому не имеют стабильных связей с крупными городскими центрами. Все они находятся на периферии основного русла Оби (в Октябрьском районе ХМАО между Ханты-Мансийском и Приобьем) и в удаленном Березовском районе ХМАО. Из данного типа были выделены три подтипа, *основанные на утрате существовавшей советской специализации в этих СНП* — лесохозяйственной, аграрной или промысловой. С деградацией лесозаготовок и животноводства в 1990-х гг., во всех населенных пунктах данного типа в 2000-х гг. основу внебюджетной занятости составляла промысловая сфера, но с распадом рыбохозяйственного комплекса ХМАО и ужесточением артельного лова рыбы с 2010-х гг. была утрачена и эта специализация как массовая сфера приложения труда вне бюджетной сферы. Выделяются подтипы:

— *Утрата «лесных» функций* (Кедровый, Красноленинский, Горнореченск и Кормужиханка Октябрьского района ХМАО).

— *Утрата аграрных функций* (Урманый и Кормужиханка Октябрьского района ХМАО, Ванзетур и Теги Березовского района ХМАО).

— *Утрата промысловых функций* (Заречный Октябрьского района ХМАО).

2. Связанные с развитием связей с крупным логистическим центром

СНП, находящиеся в зоне влияния крупных городских центров в постсоветский период, трансформировались по двум траекториям — сохранение или расширение в 2000-х гг. отраслей молочного и мясного скотоводства и табунного коневодства посредством увеличения поголовья КРС и лошадей в организациях в селах, имевших развитые аграрные функции в советский период (1), формирование маятниковой миграции с крупными городскими центрами, а также развитие рекреации и дачного строительства в тех населенных пунктах, которые

в советский период имели преимущественно «лесную» специализацию в ХМАО и промысловую в ЯНАО (2). Для первого типа — «аграризации» — значение фактора близости к городу было высоким и остается таковым с конца 1990-х гг., когда все поголовье скота и лошадей Нижнего Приобья начало концентрироваться в их зоне влияния. Для второго же — «пригородизации» — влияние крупных городских центров нарастало со временем с деградацией лесохозяйственной функции в 1990–2000-е гг. и обеспечением частой навигации, появлением автодорог в 2010-х гг.

— *Развитие/сохранение аграрных функций.* «Аграризация» (Белогорье, Троица и Елизарово Ханты-Мансийского района ХМАО, Шеркалы Октябрьского района ХМАО).

— *Занятость в городе и/или иные связи.* «Пригородизация» (Кирпичный и Луговской Ханты-Мансийского района ХМАО, Нижние Нарыкары Октябрьского района ХМАО, Горноknязевск и Харсаим Приуральского района ЯНАО).

3. *Развитие нефтедобычи* (Карымкары, Большие Леуши, Комсомольский, Малый Атлым Октябрьского района ХМАО)

В СНП «нефтяной» траектории трансформаций в 1990–2000-е гг. происходили те же изменения, что и в других селах основного русла Оби (первого типа трансформационной траектории) — утрата советских отраслей специализации и сохранение занятости в рыболовецком хозяйстве. В отличие от населенных пунктов, которые в основном русле Оби утратили в 2010-х гг. и промысловую специализацию и «упростили» свой функциональный тип, в селах данного типа с конца 2000-х гг. начала активно развиваться нефтедобыча. «Сургутнефтегаз» провел автодорогу, предоставил значительную занятость с высокооплачиваемыми рабочими местами, частично восстановились советские отрасли специализации, развивается МСП, обслуживающее вахтовиков, — стабилизировалось социально-экономическое положение (в том числе отток населения) и дифференцировалась структура экономики и занятости.

4. *Полифункционализация* (Мужи Шурышкарского района ЯНАО, Аксарка Приуральского района ЯНАО)

Два СНП данного типа в течение постсоветского периода *поддерживали дифференцированную структуру* экономики с аграрными и промысловыми функциями (развивавшимися и в постсоветский период), расширили роль в обслуживании окружающей территории и имели наилучшую демографическую динамику. Это административные центры своих районов и одновременно крупнейшие и самые быстрорастущие СНП Нижнего Приобья (36,1% и 99,7% прироста населения в Мужах и Аксарке в 1989–2021 гг. соответственно, 22,6% и 30,3% от всего сельского населения исследуемых населенных пунктов в 1989 и 2021 гг. соответственно), Аксарка и Мужы концентрируют мигрантов с периферии Шурышкарского, Приуральского и Ямальского районов. В этих селах одна из самых высоких долей КМНС в структуре населения и этническое разнообразие (35,3% и 42,7% рус-

ских в структуре населения в Мужах и Аксарке соответственно в 2010 г., доля ханты, коми и ненцев более 10%), благодаря чему сохраняется промысловое хозяйство. С проведением автомобильной дороги Надым — Салехард, включившей в автодорожную сеть Аксарку, последняя стала центром обслуживания правобережья Оби в Приуральском районе и нижележащих по течению сел Ямальского района.

5. *Консервация промысловых и/или иных функций* (Большой Атлым и Перегребное Октябрьского района ХМАО, Азовы, Восяхово и Шурышкар Шурышкарского района ЯНАО, Салемал и Панаевск Ямальского района ЯНАО)

СНП в ЯНАО с высокой долей КМНС в структуре населения в постсоветский период сохранили оленеводческую и промысловую специализацию, унаследованную с советского периода, что связано с поддержкой рыбзаводов в Аксарке и Горках регионом и сохранением традиционного образа жизни. В ХМАО рыбохозяйственный комплекс деградировал на протяжении всего постсоветского периода и специализацию на рыбной ловле сохранил только умеренно периферийный Большой Атлым (также с высокой долей ханты в структуре населения, 48,5% в 2010 г.), где организована артельная занятость по упрощенной для КМНС процедуре. При этом экстремально удаленные с затрудненным сбытом рыбы Теги и Ванзетур Березовского района с высокой долей обских угров в структуре населения (86,0% и 56,9% в 2010 г. в Тегах и Ванзетуре соответственно) не имеют значительной занятости в отрасли (так, в Тегах рыболовство является основной деятельностью только для пяти семей), в отличие от также удаленных Азов Шурышкарского района, где сохранение рыболовецких участков Горкинского рыбзавода поддерживается регионом и в отрасли занято 60 человек. Исключением является Перегребное, где сохранена унаследованная с советского периода занятость на газокompрессорной станции, а не в промысле.

Вместе с тем необходимо отметить, что направления постсоветских трансформаций СНП Нижнего Приобья были во многом детерминированы своим генезисом (рис. 11). Так, большинство аграрных поселений по своему генетическому типу являются русскими старожильческими селами, сохраняющими и усиливающими свою аграрную функцию на протяжении последних 100 лет благодаря более выгодному ресурсному положению, а именно наличию прямого доступа к основной кормовой базе животноводства — пойменным заливным лугам. Наибольшая доля поселений упрощенного функционального типа наблюдается среди СНП, возникших в ходе советской волны освоения 1930–1950-х гг. как спецпереселенческие и лесные поселки. С одной стороны, это может быть обусловлено директивным выбором в период основания поселений местоположения на высоком правом берегу Оби, что ограничивает возможности для пастбищного коневодства и скотоводства (в советский период необходимость транспортировки баржами скота на летние пастбища на островах пойменного левого берега составляла зна-

чительную долю в структуре расходов животноводческих хозяйств, что в рыночных условиях стало важнейшим лимитирующим фактором). Тогда как с другой — имеет меньше успешных практик выживания в условиях исключительно промысловой занятости, в отличие от кержаков и коренного обско-угорского населения.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Рис. 10. Структура трансформационных типов и доля в населении СНП, прошедших трансформацию

Источник: составлено авторами

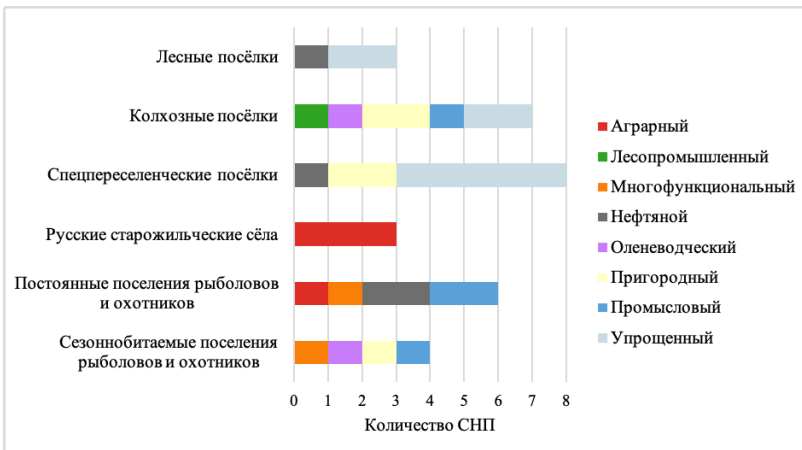

Рис. 11. Распределение функциональных типов СНП в 2021 г. в зависимости от генезиса поселений

Источник: составлено авторами

Рис. 12. Типология трансформаций функциональных типов СНП в Нижнем Приобье в 1989–2021 гг.

Источник: составлено авторами

Выводы

Генезис СНП предопределил ряд направлений трансформации функциональных типов сельских поселений Нижнего Приобья в постсоветский период. Во-первых, выбор местоположения в момент возникновения селения предопределял возможный спектр хозяйственных отраслей специализации в будущем как с ресурсной (наличие пойменных пастбищ и сенокосов, лесов с высоким бонитетом и т. д.), так и с ландшафтной (низкая вероятность подтопления, эрозионная стабильность берега) точки зрения. Во-вторых, быстрое усвоение традиционных практик хозяйствования коренного обско-угорского населения спецпереселенцами в рамках своей

экстремальной адаптации в середине XX в. (в отличие от населения лесных поселков, для которых это заимствование не было залогом выживания) позволило им легче пройти период системного кризиса на рубеже XX–XXI вв.

Этнокультурный фактор играет консервирующую роль в сохранении унаследованных с советского периода отраслей хозяйственной специализации сельских поселений Нижнего Приобья, которая усиливается при движении вниз по течению Оби от устья Иртыша и достигает своей наибольшей интенсивности в поли- и моноэтнических поселениях с низкой долей русского населения в Двубье и ниже до Обской губы. Сохранение навыков и моделей традиционного природопользования и хозяйствования в совокупности с возможностью оперировать значительным пластом знаний о территории своего проживания коренными народами Севера — один из параметров стабильной занятости в рыбном промысле и элементов сезонного заработка.

В исследуемой сельской местности выделяются две зоны с точки зрения периферийности — влияния крупных городских центров (1) и периферии (2). В зонах повышенной транспортной доступности вокруг крупнейших городских центров в постсоветский период сконцентрировались аграрные функции сельской местности Нижнего Приобья, развивались трудовые и иные связи с городом. Влияние нарастающей периферийности же за пределами зон влияния крупнейших городов имеет второстепенное значение (первостепенным является сам факт удаленного транспортного положения) и становится значимым только на экстремальной периферии — стабильная связь различными транспортными средствами налажена и полностью изолированных от Большой земли СНП в исследуемой местности нет. Транспортное положение СНП Нижнего Приобья в течение постсоветского периода улучшалось (были проведены автодороги в некоторые из них), связи с городом в тех пригородных СНП, где были утеряны советские отрасли специализации, приобрели крайне высокое значение.

Развитие нефтедобычи в 2000–2010-х гг. сыграло роль фактора, стабилизирующего социально-экономическое положение. После утраты аграрной и лесохозяйственной отраслей специализации в основном русле Оби в 1990–2000-е гг. в тех СНП, в зоне влияния которых началась добыча нефти и была проведена автомобильная дорога, дифференцировалась структура занятости, частично возродились советские отрасли специализации, получило развитие МСП и существенно сократился миграционный отток населения. Региональные институты поддержки аграрной и промысловой сфер в ЯНАО послужили фактором сохранения унаследованных с советского периода отраслей специализации и консервации функциональных типов СНП в субъекте.

Функциональные типы СНП ЯНАО в постсоветский период были устойчивее благодаря воздействию институционального и этнокультурного факторов, в то время как в ХМАО они динамично трансформировались из-за большей подверженности их советских отраслей специализации кризисным явлениям. В ЯНАО отрасли, унаследован-

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

ные с советского периода, были в основном сохранены и в некоторых случаях (в полифункциональных поселениях) даже усложнены новыми функциями, а также расширилось влияние Салехарда на правобережье Оби в Приуральском районе с проведением автомобильной дороги. В ХМАО процесс трансформации функциональных типов СНП в постсоветский период разделяется на два этапа — деградацию рыбохозяйственного комплекса и утрату аграрной и лесохозяйственной специализации в 1990–2000-х гг. (1) и возникновение новых факторов (нефтедобыча и влияние городов) в 2000–2010-х гг. (2).

Библиография

- Антонов Е. В., Сафронов С. Г. (2023). Сельское расселение Камчатки: генетические и современные факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 87. № 8. С. 1275–1286.
- Атлас Азиатской России (1914). Санкт-Петербург: Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.
- Атлас Тюменской области / сост. Тюменской комплексной экспедицией Геогр. ф-та МГУ совместно с ф-кой № 4 ГУГК; ред. коллегия: проф. И. П. Заруцкая (отв. ред.). Москва; Тюмень: ГУГК, 1971–1976. 2 т.
- Демидова К. В., Медведникова Д. М., Алексеев А. И. (2022). Реализация крупных угледобывающих проектов как фактор трансформации сельской местности в Алтайском районе Республики Хакасия // Вестник Московского университета. Серия 5. География. Т. 4. С. 101–112.
- Дунин-Горкавич А. А. (1903). Карта Тобольской губернии.
- Дунин-Горкавич А. А. (1904). Тобольский Север. Т. 1. СПб.: Типография В. Киршбаума.
- Зайцева Е. А., Ключева В. П., Щербич С. Н. (2012). История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник. М.: Издательство Перо.
- Ковалев С. А. (2003). Избранные труды. Смоленск: Ойкумена.
- Космачев К. П. (1962). О хозяйственных типах сельского расселения // География населения Восточной Сибири. С. 144–155.
- Космачев К. П. (1974). Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука.
- КУ Государственный архив Югры (КУ ГА Югры). Ф. 6. Оп. 1. Д. 302.
- КУ Государственный архив Югры (КУ ГА Югры). Ф. 6. Оп. 1. Д. 752.
- Лухманов Д. Н. (2005). Эволюция расселения на территории Югры во второй половине XX в. // Вестник исторической географии. Вып. 3. С. 160–181.
- Мисевич К. Н., Чуднова В. И. (1973). Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск: Наука.
- Повод Н. А. (2006). Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука.
- Покшишевский В. В. (1951). Заселение Сибири: историко-географические очерки. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство.
- Покшишевский В. В., Воробьев В. В. (1962). География населения Восточной Сибири. М.: Акад. наук СССР.
- Поляков И. С. (1877). Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской академии наук. С.-Петербург: Типография Императорской академии наук.
- Соммье С. (2012). Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир / пер. с ит. А. А. Переваловой; под ред. Я. А. Яковлева. Томск: Издательство Томского университета.

- Татарникова А. И. (2022). Сеть сельских поселений Томского округа в 1920-е гг.: количественные и качественные характеристики // Историко-географический журнал. Т. 1. № 4. С. 54-63.
- Усольцева О. В. (2018). Сельская поселенческая сеть Томской области (1940–1980-е гг.). Томск: ООО «Издательство “ДЕМОС”».
- Федорова Е. Г. (2000). Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский дом.
- Филиппова В. В. (2003). Локальные особенности расселения и динамика численности населения Усть-Майского улуса (района) в XX–XXI вв. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Т. 38. № 1. С. 34-50.
- Фукс Л. П. (2003). Расселение в Западной Сибири. Самоорганизация и управление, итоги и проблемы. Новосибирск: Изд-во ПРО.
- Чучкалов А. С., Мищук С. Н., Греля Н. К. (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 4. С. 136-163.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период

Typology of transformations in rural settlements of the Lower Ob Region in the post-Soviet period

Grigory A. Nazarenko, Undergraduate Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: nga-02@mail.ru

Kirill S. Loktionov, analyst, Scientific Center for the Study of Rural Problems; Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: leeglokto@yandex.ru

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru

Abstract. The article considers the main post-Soviet transformation of functional types of rural settlements in the Khanty-Mansi and the Yamalo-Nenets Autonomous Regions within the Lower Ob Region. The article is based on the field data collected in July 2023 and on the statistical data from the Federal State Statistics Service, district and regional administrative departments, and state archives. The authors show that the transformation of functional types of rural settlements was influenced by the development of rural settlements, their ethnic composition, the traditional way of life preserved by indigenous northern minorities, peripheral and isolated nature of settlements, territorial infrastructural development, projects of extracting companies in oil production areas, peculiarities of local institutions and regional support for economic specialization. To identify the main directions of transformation, the authors provide a functional typology of settlements in the Lower Ob Region for 1989, 2002, and 2021: 1) simplified functional type due to the loss of forestry, agricultural and commercial functions by some industrial settlements, 2) development of agriculture, recreational functions and commuting in settlements near cities, 3) stabilization of the social-economic situation as a result of the oil production near the settlement, 4) polyfunctionalization of large rural settlements turning into district service centers, 5) preservation of traditional economic activities in rural settlements with a high share of minorities.

Key words: rural area, transformation trajectories, periphery, isolation, functional typology, development of Western Siberia, genesis, ethnic mosaicism, indigenous peoples of the North, oil production, institutional factor, infrastructural development.

References

- Antonov E., Safronov S. (2023) Selskoe rasselenie Kamchatki: geneticheskie i sovremennye faktory razvitiya [Rural settlement in Kamchatka: Genetic and Contemporary factors of development]. *Izvestija RAN. Serija geograficheskaja*, vol. 87, no 8, pp. 1275–1286.
- Atlas Aziatskoj Rossii* [Atlas of Asian Russia] (1914), Saint Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie Glavnogo upravlenija zemleustrojstva i zemledelija.
- Atlas Tyumenskoi oblasti* [Atlas of the Tyumen Region] (1971–1976), Moscow; Tyumen: GUGK.
- Chuchkalov A., Mishchuk S., Grelja N. (2021) Faktory transformatsii prigorodnoj selskoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Factors of transformation of suburban rural areas in a depressed region (on the example of the Birobidzhan district of the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Demidova K., Medvednikova D., Alekseev A. (2022) Realizatsija krupnyh ugledobyvajushchih proektov kak faktor transformatsii selskoj mestnosti v Altajskom rajone Respubliki Khakasija [Major coal mining projects as a factor in the transformation of rural areas in the Altai district of the Republic of Khakassia]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, vol. 4, pp. 101–112.
- Dunin-Gorkavich A. (1903) *Karta Tobolskoj gubernii* [Map of the Tobolsk Province].
- Dunin-Gorkavich A. (1904) *Tobolsky sever* [Tobolsk North], vol. 1, Saint Peterburg: Tipografija V. Kirshbauma.
- Fedorova E. (2000) *Rybolovy i okhotniki bassejna Obi: problemy formirovaniya kultury khandov i mansi* [Fishermen and Hunters of the Ob Basin: Issues of the Development of the Khanty and Mansi Culture], Saint Petersburg: Evropejsky dom.
- Filippova V. (2022) Lokalnye osobennosti rasselenija i dinamika chislennosti naselenija Ust-Majnskogo ulusa (rajona) v XXXI vv. [Local features of settlement and population dynamics in the Ust-Maysky ulus (district) in the 20th–21st centuries]. *Severo-Vostochny Gumanitarny Vestnik*, vol. 38, no 1, pp. 34–50.
- Fuks L. (2003) *Rasselenie v Zapadnoj Sibiri. Samoorganizatsija i upravlenie, itogi i problemy* [Settlement in Western Siberia. Self-Organization and Management, Results and Problems], Novosibirsk: PRO.
- Kosmachev K. (1962) O khozjajstvennyh tipah selskogo rasselenija [On the economic types of rural settlement]. *Geografija Naselenija Vostochnoj Sibiri*, pp. 144–155.
- Kosmachev K. (1974) *Pionernoe osvoenie tajgi (ekonomiko-geograficheskie problemy)* [Pioneer Development of the Taiga (Economic-Geographical Issues)], Novosibirsk: Nauka.
- Kovalev S. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works], Smolensk: Oikumene.
- KU Gosudarstvennyy arkhiv Yugry* [State Archive of Yugra]. F. 6. Op. 1. D. 302.
- KU Gosudarstvennyy arkhiv Yugry* [State Archive of the Yugra]. F. 6. Op. 1. D. 752.
- Lukhmanov D. (2005) Evoljutsija rasselenija na territorii Yugry vo vtoroj polovine XX v. [Evolution of settlement in Yugra in the second half of the 20th century]. *Vestnik Istoricheskoy Geografii*, vol. 3, pp. 160–181.
- Misevich K., Chudnova V. (1973) *Naselenie rajonov sovremennogo promyshlennogo osvoenija Severa Zapadnoj Sibiri* [Population of the Areas of the Contemporary Industrial Development in the North of Western Siberia], Novosibirsk: Nauka
- Pokshishevsky V. (1951) *Zaselenie Sibiri: istoriko-geograficheskie ocherki* [Settlement of Siberia: Historical-Geographical Essays], Irkutsk: Irkutskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatelstvo.
- Pokshishevsky V., Vorobyov V. (1962) *Geografija naselenija Vostochnoj Sibiri* [Geography of Population in Eastern Siberia], Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Polyakov I. (1877) *Pisma i otchety o puteshestvii v dolinu r. Obi, ispolnennom po porucheniju Imperatorskoj akademii nauk* [Letters and Reports on the Trip to the Valley of the

Ob River, Made on behalf of the Imperial Academy of Sciences], Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk.

Povod N. (2006) *Komi Severnogo Zauralija (XIX–pervaja chetvert XX v.)* [Komi of the Northern Trans-Urals (19th — the First Quarter of the 20th Century)], Novosibirsk: Nauka

Sommje S. (2012) *Leto v Sibiri sredi ostjakov, samoedov, zyryjan, tatar, kirgizov i bashkir* [Summer in Siberia among the Ostyaks, Samoyeds, Zyryans, Tatars, Kirghiz and Bashkirs], Tomsk: Publishing House of the Tomsk University.

Tatarnikova A. (2022) Set selskih poselenij Tomskogo okruga v 1920-e gg.: kolichestvennyye i kachestvennyye kharakteristiki [Network of rural settlements in the Tomsk district in the 1920s: Quantitative and qualitative characteristics]. *Istoriko-Geografichesky Zhurnal*, vol. 1, no 4, pp. 54–63.

Usoltseva O. (2018) *Selskaja poselencheskaja set Tomskoj oblasti (1940–1980-e gg.)* [Rural Settlement Network of the Tomsk Region (1940s–1980s)], Tomsk: DEMOS Publishing House.

Zaitseva E., Klyueva V., Shcherbich S. (2012) *Istorija naselennykh punktov Yugry: kratky nauchno-populjarny spravochnik* [History of Yugra Settlements: A Short Popular Science Guide], Moscow: Publishing House “Pero”.

Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев
Типология транс-
формаций сельских
населенных пунк-
тов Нижнего При-
обья в постсовет-
ский период

Приложение

Таблица 3. Этнические типы СНП Нижнего Приобья. Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.

Этнический облик СНП	Величина индекса этнической мозаичности	Примеры СНП	
		Район	СНП
Моноэтнические русские (больше 70%) с долей КМНС меньше 15%	<0,45	Ханты-Мансийский	Елизарово, Кедровый, Кирпичный, Красноленинский, Луговской, Урманый
		Октябрьский	Большой Камень, Большие Леуши, Горно-реченск, Заречный, Малый Атлым, Карымкары, Комсомольский, Кормужиханка
Моноэтнические русские (больше 70%) с долей украинцев и татар более 10%	0,45-0,5	Октябрьский	Перегибное
Преобладание русского населения (>50%) со значительной долей КМНС (>20%)	0,45-0,55	Ханты-Мансийский	Белогорье, Троица
		Октябрьский	Шеркалы

Бизнitchеские с сопоставимыми долями русских и КМНС в диапазоне 40-60%	0,5-0,7	Октябрьский	Большой Атлым, Нижние Нарыкары
Полиэтнические	>0,7	Шурышкарский	Мужи
		Приуральский	Аксарка, Салемал
Бизнitchеские с сопоставимыми долями КМНС и коми-зырян от 40 до 60%, долей русских меньше 15%	0,5-0,7	Шурышкарский	Восяхово
		Приуральский	Харсаим
Преобладание КМНС в населении (>50%) со значительной долей русских (>20%)	0,5-0,6	Березовский	Ванзетур
		Шурышкарский	Азовы
Моноэтнические КМНС (больше 70%) с долей русских меньше 15%	<0,4	Березовский	Теги
		Приуральский	Горнокаяевск
		Шурышкарский	Шурышкары
		Ямальский	Панаяевск

Таблица 4. Типология функциональных типов СНП Нижнего Приобья

Тип	Фактор	Количественное значение
Аграрный	Наличие крупного поголовья скота и лошадей	Более 300 голов КРС и/или лошадей
Лесопромышленный	Наличие лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия	Более 50 занятых
Лесопромышленный-аграрный	Наличие лесозаготовительного или лесоперерабатывающего предприятия и наличие относительно крупного поголовья скота	Более 50 занятых Более 200 голов КРС и/или лошадей
Многофункциональный	Административный районный центр, наличие относительно крупного поголовья скота и лошадей, промысловая ловля рыбы, центр районной миграции	Более 200 голов КРС Более 50 занятых в рыболовном промысле

Нефтедобывающий	Наличие нефтедобычи в окрестностях сельского поселения и занятость в ней	Более 50 занятых
Оленеводческий	Наличие крупного поголовья оленей	Более 1000 голов оленей
Пригородный	Массовая маятниковая трудовая миграция в городской центр, отсутствие других отраслей специализации	Три и более пар суден в городской центр в день или автодорога, десятки и более трудовых мигрантов
Промысловый	Промысловая ловля рыбы, отсутствие других отраслей специализации	Более 50 занятых в рыболовном промысле
Упрощенный	Отсутствие внебюджетных отраслей специализации	Занятость в бюджетной сфере более 80%

*Г. А. Назаренко,
К. С. Локтионов,
А. И. Алексеев*

Типология трансформаций сельских населенных пунктов Нижнего Приобья в постсоветский период